

К.А. ЮДИН,
М.А. БАНДУРИН

“Интеллигенция” и “интеллектуалы” (Историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий)*

Статья представляет историко-историографическое и социально-философское исследование, сфокусированное на актуальной теоретической проблеме: происхождение и идейно-сущностный облик социальной группы, состоящей из людей особого типа, получивших за свои мыслительные, творческие и иные неординарные способности наименования “интеллигентов” или “интеллектуалов”. Придерживаясь консервативных позиций, авторы предприняли попытку осуществить прояснение этих распространенных дефиниций, выявить их смысловые составляющие и на этом основании произвести содержательное различие, избавившись от многочисленных коннотаций, связанных с идеологической тенденциозностью оценок.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, историография, релятивизм, историзм, индивидуализм, вызовы времени, дискурсивность, мыслительная деятельность, духовность, истина, познание.

Решение фундаментальных задач по обретению того или иного цивилизационного облика всегда сопрягалось отнюдь не с формальной, функциональной мыслительной деятельностью и техническим прогнозированием, а требовало незаурядных усилий – интеллектуального напряжения, выходящего на уровень рефлексии, способной выносить оценочные суждения, выбора идейных координат и приоритетов, направленных на установление истинного и должного порядка. На протяжении всей истории в каждую эпоху появлялись люди особого склада, готовые взять на себя эту ответственную миссию по аккумуляции, трансляции знаний и опыта, необходимых для достойного и правильного продолжения развития – совершенствования, обогащения и сохранения материальных форм и духовных ориентиров, ценностей. Эти люди и составили то избранное, “творческое меньшинство” [Меметов, Попов 2005, с. 26], которое стало называться интеллигенцией, интеллектуальной элитой, людьми, проявляющими интеллигентность или, упрощенно, интеллектуалами. Все эти понятия этимологически указывают на присущий данной группе особый род деятельности, сферу самореализации.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ по теме “Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX–начала XXI в.: виртуальность и реальность” (№ 33.526.2014/К).

Юдин Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Адрес: Ермака ул., д. 39, Иваново, 153025. E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru.

Бандурин Михаил Александрович – кандидат исторических наук, внештатный научный сотрудник Научно-исследовательского института интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Адрес: Ермака ул., д. 39, Иваново, 153025. E-mail: js.ivsu@bk.ru.

Хотя Россия и Европа, как и остальной мир, пережили за предшествующие века многочисленные катаклизмы, а в исторических анналах в изобилии отложились диаметрально противоположные примеры попыток их преодоления (от героического самопожертвования на благо общества до смиренного аскетизма и отречения во имя спасения Отечества, нации), и тут и там вопрос о содержании интеллектуальной миссии, как и о людях, ее выполняющих, остается до конца нерешенным. Более того, глобальный характер социально-политических трансформаций рубежа XX–XXI вв., сопровождавшихся обострением идейного размежевания, масштабными изменениями облика многих национально-государственных образований, разрушением территориальной, культурно-исторической цельности, ставит перед современным интеллектуальным российским сообществом ряд “острых” вопросов: **а) кого считать подлинным, настоящим интеллигентом/интеллектуалом, а кого лишь – мимикрирующим под них; б) насколько адекватны эти понятия; в) как они между собой соотносятся.** Но прежде чем вести разговор о демаркации между внутренней сущностью и внешней идентичностью интеллигента/интеллектуала, следует совершить краткий критический обзор основных историографических тенденций, выявив некоторые проблемные, спорные моменты по поводу употребления этих категорий.

Первый момент связан с незавершенным процессом деидеологизации науки, расколом научного сообщества, подверженного влиянию общественного мнения с его националистическими настроениями и идейной конфронтацией в стиле «“славянофилы”–“западники”». Это способствует догматической инерции сохранения искусственно возведенного барьера между автономно развивающимися ментальностями Западной Европы и России, претендующей на самодостаточность и обособленность. Подобный релятивизм приводит в итоге к неправомерному отождествлению понятий, воспринимающихся синонимами в контексте комплементарности разных культур: западноевропейский *интеллектуал*, но русский *интеллигент*. Это используется в конъюнктурно-политических целях, когда начинается дискуссия о степени “прогрессивности” упомянутых персонажей, а также о том, что первично, а что вторично: интеллектуальный *modus vivendi* и достижения либерально-демократического Запада или интеллигенция самодержавно-крепостнической России, развивающейся своим самобытным путем [Меметов 2008, с. 7]. Чаще всего ситуация складывается не в пользу последней, ибо апелляция к теориям догоняющего развития, аргументы-стереотипы об успешной трансплантации западного интеллектуализма на русскую почву, оппозиционно-прикладном характере российской интеллигенции, сформировавшейся якобы только в условиях классовой борьбы и противостояния с властью ради служения народу, – с учетом исторического опыта России выглядят убедительнее [Гаспаров 2001, с. 93]. И это – несмотря на попытку опровержения тезиса об интеллигенции как явлении специфически русском, данную еще отечественными общественно-политическими деятелями-“цивилизационистами” П. Ткачевым, Н. Данилевским, К. Леонтьевым, К. Кавелиным и П. Милюковым. Последний, в частности, подчеркнул: “Ведь и в других странах интеллигенция как отдельная общественная группа возникла, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления создали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда” [Милюков 1991, с. 297].

Второй важный момент связан с доминированием позитивистско-социологического подхода, усугубляющего вышеизложенную ситуацию вытеснением логического анализа всякого рода внешними классификационными схемами, из которых следует, что интеллектуальный образ жизни и статус интеллигента рассматриваются как работа, обязанность, один из видов трудовой активности внутри определенной системы общественных отношений и ее ценностных координат [Никитина 1993, с. 34]. Согласно этому подходу, опуская всевозможные модификации и дополнительные дробления, принято выделять три основные “страты” интеллигенции: 1) высшую – выступающую источником/производителем идей (научные работники, деятели культуры, искусства,

представители творческих профессий); 2) среднюю – или “разночинцев”, применяющих уже готовые знания в практической сфере (учителя, врачи, инженеры и т.д.); 3) низшую – или полунинтеллигентную (лаборанты, ассистенты, фельдшеры, техники).

Очевидно, разработчиков подобной схемы мало волновали проблемы внутренней, духовной эволюции интеллигента, трактуемого как статистическая эмпирическая единица, фигура, подверженная мониторингу на предмет социальной мобильности. Еще более нелепым представляется совмещение описанного социологического подхода с функциональным, в результате чего произошло подчинение творческих, идейных, познавательных и иных “функций”, выполняющихся мыслящими людьми, критериям “общественно-необходимой деятельности” [Кривопалова 2008, с. 35]. Возникла сугубо утилитарно-прагматическая интерпретация, сводящаяся к простым сменяющим друг друга формулам: “большинство служащих – интеллигенты” или же “всякий интеллигент – служащий, но не наоборот” [Амелин 1970, с. 39; Классы... 1968, с. 136].

Эту точку зрения отразил Л. Ерман, прямо предложив структурировать интеллигенцию на основании трех профессиональных слоев: 1) работники умственного труда, занятые в сфере материального производства; 2) представители сферы культуры; 3) служащие госаппарата [Ерман 1963, с. 166]. Однако наиболее емко существо левосоциалистической концепции предназначения интеллигенции, господствующей в советский период, выразил В. Волков. Интеллигенция пригодна якобы только для того, чтобы “обслуживать другие классы” (см., например, [Лейкина-Свирская 1971; Конев 1974]), поскольку она представляет собой не более, чем “межклассовую промежуточную между пролетариатом и мелкой буржуазией группировку, существующую путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии” (см. например, [Орлов 2001, с. 56]). Советская интеллигенция, писал Волков, трактовалась как новый социально-исторический тип, который “сознательно направляет свою профессиональную и общественную деятельность на служение коренным интересам рабочего класса, руководствуясь при этом идеями марксизма-ленинизма” [Волков 1976, с. 10].

Итак, интеллигенция в советской историографии фактически утратила статус интеллектуальной элиты, поскольку, во-первых, была поругана и дискредитирована коммунистической идеологией, нарушившей подлинную социальную иерархию, признавшей примат интересов низшего “четвертого сословия”, человека-массы – пролетария-плебей. Во-вторых, произошло патологическое искажение целей и предназначения людей интеллектуального склада, вынужденных рассматривать свою деятельность как “духовное производство”, соизмеряя ее с пределами, очерченными задачами партийного строительства в СССР [Меметов 2012, с. 153; Юдин 2013, с. 42]. Под интеллигенцией автоматически стал пониматься весь формально “образованный слой”, включая бюрократизированную псевдоэлиту, которую А. Солженицын остроумно обозначил язвительным термином *образованищина*, справедливо указав на печальный «процесс размывания подлинной интеллигентности как *состояния духа*, выхолощенного прессом давления извне, соединявшегося в лабиринтах сознания с часто тщательно скрываемым (даже от самих себя) внутренним конформизмом, приводящим к самому опасному пороку – пассивно-инертному самооблаготворению, равнодушию, привыканию ко лжи, и в итоге – перерождению в “грузчиков умственного труда”, представляющих гибридный тип, нечто среднее между постпролетариатом, неомещанством и квазибуржуазией» [Солженицын 1974, с. 231].

Впрочем, и на Западе такие воззрения присутствуют среди известных “интеллектуалов”. В частности, В. Беньямин продемонстрировал аналогичную политизированность, утверждая, что авторство и творчество – инструментально-производственный процесс: “Для автора как производителя технической процесс является основой его политического прогресса. Другими словами: лишь преодоление тех компетенций, которые в соответствии с буржуазным пониманием образуют его порядок, делает это производство политически пригодным; а именно препятствия компетенций обеих производственных сил (так у автора. – К.Ю., М.Б.), которые были сооружены, чтобы

разделять, должны быть вместе сломлены. Автор как производитель испытывает – испытывая солидарность с пролетариатом – непосредствен” [Беньямин 2008, с. 119].

Не лучшим образом ситуация сложилась в постсоветский период, полностью унаследовавшим прогрессистскую идейно-политическую парадигму, которая, расставшись с классовой демагогией, обратилась к гуманистическим сюжетам с акцентом на морально-нравственную функцию интеллигенции. Так, Ю. Олещук интерпретирует ее как “людей умственного труда, зараженных непримиримым гражданским чувством” [Олещук 1998, с. 70], Г. Матвеев – как “слой людей, для которых духовные ценности являются определяющим фактором их жизни и деятельности” [Матвеев 1996, с. 31]. О. Олейник и В. Меметов утверждали, что лучшим представителям интеллигенции “всегда и во все времена были близки идеи любви и сострадания к своему народу, Отечеству, идеи подвижничества, добра и справедливости” [Меметов, Олейник 1996, с. 45].

Все эти суждения можно было бы считать справедливыми, если оставаться в рамках привычной и воспринимающейся как сама собой разумеющейся матрицы левого неосоциалистического эгалитаризма, который взывает к незыблемости национально-этнических корней и произрастающих из них “братских” связей, дарующих свободу и равенство всем (что некогда стало основой лозунга Французской революции 1789 г.). Но в действительности апологеты концепций “гражданско-патриотического” мессианства интеллигенции, абстрактной духовности вроде “морального комплекса служения идеалу” [Усманов 2004, с. 9] или же “нравственного императива” [Нравственный... 1998] не осознают, что подобным теоретическим истолкованием они отрицают роль интеллигенции в поиске объективной истины, которая носит не частный, партикулярно-национальный или индивидуально-дискурсивный характер, а выступает как всеобщее, универсальное и интегральное знание с целостным онтологическим основанием. Манифестом релятивизма, беспринципного игнорирования этого фундаментального положения можно считать высказывание В. Межуева, который без церемоний заявил, что “интеллигент по своей сути – это светский, секуляризованный священник, выступающий от имени какой-то идеологии”. Он выполняет в обществе функцию идеолога, носителя и пропагандиста определенной системы идей, которую, как правило, **заимствует из западных источников**. Этим он опасен в качестве политика, так как свою власть склонен отождествлять с властью собственной идеологии [Межуев 2011, с. 122].

Другим заблуждением позитивистско-политологического типа становится утверждение, будто понятия “интеллигенция” и “интеллектуалы” тождественны с точки зрения некоего общетеоретического подхода, якобы позволяющего их объединять на основе исполнения главной функции – управления массами в сугубо операциональном и прагматичном смысле. Критерием интеллигентности выступает доступ к административным ресурсам, властно-политическое верховенство, заключающееся в служении системе на правах очередного “авангарда – класса управляющих” (см. [Возилов 2013, с. 9–16]).

Между тем академик Д. Лихачев в качестве главного и основополагающего признака интеллигенции выделял ее духовную автономию, полную независимость от партийных, сословных, классовых, профессиональных интересов. “Интеллигент, – писал он, – теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден слепо следовать догмам какого-либо учения... Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласованных с его личным мнением, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции”. И далее: “Человек, подчиняющийся совести, не подчиняется ничему больше. А подчиняться совести он может только будучи абсолютно свободным. Значит, – заключает Лихачев, – совесть является гарантом свободы человека-интеллигента” [Лихачев 2006, с. 38]. Схожим образом характеризует интеллигентность и А. Лосев, рассматривая ее ни как “большое накопление знаний, ни владение какой-нибудь профессиональной специализацией, ни

участие в общекультурном прогрессе, ни просто моральное поведение или художественная способность”, но как особую “функцию личности” [Лосев 1989, с. 214].

После подобных утверждений становится ясно, что продолжать историографический обзор не имеет смысла, ибо все гуманистические утверждения о “культурно-просветительской” миссии интеллигенции (см., например, [Смоляков 1986, с. 41; Левада 1989, с. 128; Севастьянов 1995, с. 135; Меметов, Данилов 1996, с. 9; Гуркина 1998]) или робкие попытки компромиссной точки зрения с элементами незавершенной полемики по принципу “с одной стороны – с другой стороны” меркнут перед вышеизложенной позицией, обладающей реальным верховенством. Так, известный итальянский аристократ, барон Ю. Эвола писал, подчеркивая духовную автаркию, проистекающую исключительно из внутренней сущности, открытой к восприятию истины: “Я почти ничем не обязан ни среде, ни образованию, ни моей семье. В значительной степени я воспитывался на отрицании преобладающей на Западе традиции – католицизма, на отрицании актуальной цивилизации, этого материалистического и демократического современного мира, на отрицании общей культуры и расхожего образа мышления того народа, к которому я принадлежал, т.е. итальянцев, и на отрицании семейной среды. Если все это и повлияло на меня, так только в негативном смысле: все это вызывало у меня глубочайший внутренний протест” (цит. по [Юдин 2014, с. 114]).

Однако в силу укорененности прогрессистской идеологии, разделяющейся большинством представителей научного сообщества как “естественная” и единственная мировоззренческая призма, все попытки провести размежевание между понятиями “интеллектуал” и “интеллигент” оказались если не совсем бесплодными, то, по крайней мере, аморфными, поскольку находили препятствия в конвенциональном путем насаждаемом ложном консерватизме. Он проявлялся и продолжает проявляться в настойчивом воспроизводстве всем привычного “интеллигентоведческого дискурса”, приведшего его сторонников в тупик, который можно обозначить познавательной энтропией, вызванной **историцизмом мышления** [Юдин, Бандурин 2012, с. 32–36] и принявший угрожающие масштабы по своим последствиям.

Интеллигент/интеллигенция продолжают рассматриваться, во-первых, в широком утилитарном, функционально-прикладном смысле как образ жизни, связанный с новизной трудовой деятельности, как интеллектуальное ремесло-специализация. Во-вторых, как “генетически” национальная, отечественная социальная группа, выделяемая по критерию служения народу, нации, Отечеству, что удобно позволяет легализовывать любые, даже патологические формы и модусы бытия, представляемые как “национально-исторические задачи”. В-третьих, как группа, призванная выступать гражданско-патриотическим авангардом – посредником между властью и указанными общностями.

В условиях динамично меняющейся действительности в современных СМИ даже появилось понятие “новая интеллигенция”. В ее состав включают широкие слои населения, независимо от социально-интеллектуального происхождения: тех, кто готовы проявить политическую активность, продемонстрировать *действия* и эмоционально выплескиваемую оппозиционность на *практике* – “выйти на площадь”. В нее, таким образом, вошли и рабочий от станка, и офисный клерк, и работник торговли, объединяемые по признаку “кому не наплевать” на то, что происходит в стране, мире, регионе. Это презентуется как прогрессивная способность, которой был лишен “старый”, “безвольный” интеллигент. “Новая интеллигенция – это практики. Они начинают создавать вокруг себя пригодную среду обитания – сначала для себя, потом для своих детей. Постепенно в эту среду вовлекаются друзья... разные незнакомые люди. Начинается социальное перемешивание” [Золотарев 2013, с. 65].

Двусмыслен и размыт и термин “интеллектуал”, для которого социологический подход выступает родственным, соответствующим этимологическому происхождению. Интеллектуал, и не без основания, ассоциируется с исключительной степенью развития, превосходства, но внутри какой-либо социальной группы, класса, поэтому интеллектуалы встречаются среди и пролетариев, и крестьянства, и общественных

объединений любого уровня. Поэтому этот термин долгое время был эквивалентом “русской интеллигенции”, ибо складывается вполне логичная картина, когда интеллектуалы разных мастей суммарно по функциональной и сословно-классовой принадлежности составляют интеллигенцию, воспринимающуюся как эклектический резервуар “оппозиционно настроенных”.

Здесь уместна аналогия с Францией конца XIX в., где интеллектуалы рассматривались сугубо негативно как “люди, требующие таких вещей, которые отвергаются огромным большинством французов” [Фадеева 2012, с. 5]. Само же понятие в свое время выступало как синоним “дрейфуссаров” – сторонников оправдания капитана А. Дрейфуса, обвиненного в шпионаже в пользу Германии [Шарль 2005, с. 293]. Впоследствии, однако, термин “интеллектуал” стал использоваться предельно широко, от обозначения деятелей французского Просвещения до античных философов и средневековых индийских мыслителей. Таким образом, становится очевидным, что понятия “интеллигент” и “интеллектуал” нуждаются в общем прояснении.

Первый тезис, который мы предлагаем в данной связи, – понятие “интеллектуал” не может иметь самостоятельного значения и выступает лишь предикатом субъектаносителя, высшего по уровню. Второй тезис – предпочтительным наименованием людей особого склада, для которых мыслительная деятельность преобладает над всеми иными занятиями, остается “интеллигенция”, однако с серьезными оговорками. Если она и существует, то только как трансцендентальная общность, чье единение проистекает из запредельного служения наднациональным и наиндивидуальным принципам, имеющим высшее узаконение. Понятие “интеллигенция” включает в себя и идейную, и поведенческую составляющие – стиль и образ жизни, отражающие принципы благородного духа; мужество и героический менталитет, отторгающий любые чужеродные влияния, в первую очередь субъективно-индивидуалистические; взвешенность и автономную интеллектуальную проницательность, перерастающую в осознанную позицию служения истине с единым, универсальным, интегральным характером; равнодушие и разумную дистанцию ко всему внешнему, преходящему, количественному и становящемуся.

Это и есть тот самый стиль, отражающий, по словам Эвола, свободную отстраненность от “мнимого триумфа сил эпохи”, преодоление их, что принимает вид “активного светоносного присутствия”, означающего, “*virtus* не как морализм, но как мужество и храбрость, *fortitudo* и *constantia*, то есть душевная сила, *sapientia* как осмысленность и осознанность, *disciplina*, как любовь к собственному закону и его проявлениям, *fides* в особом римском понимании преданности и верности... Этому стилю свойственны твердость в поступках и отсутствие красивых жестов... реализм... как любовь к существованию; внутренняя уравновешенность и недоверие к экстатическим состояниям и смутному мистицизму; чувство меры; способность объединяться, не смешиваясь, как свободные люди, ради достижения высшей цели или во имя идеи” [Эвола 2005, с. 22; Эвола 2009^a, с. 119; Эвола 2007, с. 208].

Данные характеристики хорошо сочетаются со вторым, философским, смыслом понятия “интеллигенция”, а именно – “интеллектуальная активность”. Как отметил А. Данилов: «Разумеется, ныне вряд ли мы готовы действительно всерьез воспринять понятие самой низшей отделенной интеллигенции, выполняющей функцию “деятельного разума” в человеческих умах. Но несмотря на значительную долю схоластики в этих воззрениях, в целом представление об иерархии отделенных интеллигенций и соответствующих сфер кажется нам довольно любопытной теорией» [Данилов 2013, с. 128]. В действительности, однако, в оригинальном учении Аристотеля об “активном интеллекте” нет ничего специфически схоластического, просто оно было неправильно понято Аверроэсом и аверроистами и интерпретировано ими в духе креационизма.

В целом же различие понятий “интеллигенция” и “интеллектуалы” продолжает находиться под решающим влиянием теории общественного договора. В этом контексте наиболее отчетливым разделителем выступает характеристика интеллектуала в собственном смысле – как “эксперта”, а интеллигента – как своего рода “холисти-

ческой индивидуальности”, связанной с недостаточной дифференциацией мыслительных функций в “простых” обществах, вроде российского, которые в силу этого не предъявляют к мыслительному труду высоких требований [Куренной 2008, с. 38; Куренной 2006, с. 8]. Словом, интеллигент обвиняется в дилетантизме, и эту участь нередко делит с ним философ. В этой связи распространено следующее социологическое определение интеллектуалов как “людей, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-нибудь на практике” [Коллинз 2002, с. 65].

Не касаясь проблематичной формулировки “производство идей”, следует отметить, что здесь в первую очередь имеются в виду либеральные, социалистические и прогрессистские идеи, которые как раз и претендуют на универсальность. Полностью подтверждая тезис о том, что понятие “публичный интеллектуал” неразрывно связано с идеей прогресса, американский политолог А. Мельцер задался вопросом: “Мы понимаем, что в этом феномене есть нечто новое и исторически уникальное, что он не существовал в античном и средневековом мире, но является типичным для современной ментальности... Встает вопрос, что без теории исторического прогресса обеспечит интеллектуала необходимыми стандартами? И, без твердых принципов, за счет чего он сможет выделяться в своем обществе?.. Становится неясным, сможет ли лишенный идеи прогресса публичный интеллектуал выжить в долгосрочной перспективе” (цит. по [Furlong 2011, p. 150]).

Строго различая интеллектуала и философа, американский ученый С. Розен подчеркнул: «По Марксу, от общества отчуждается пролетарий, тогда как от современных идеологов мы постоянно слышим об отчужденном интеллектуале. В изначальном смысле этот термин означал отчуждение от природы в общество... Философы и проповедники, конечно, во все времена критиковали повседневную, политическую и “буржуазную” жизнь, но всегда в терминах высшего, а не низшего взгляда» [Rosen 1969, p. 77]. Развивая эту идею, Розен отмечал: «То, что мы теперь называем участием “интеллектуалов” в политике есть отдаленное и дегенеративное следствие подлинного платонизма. Когда философия стремится подчинить государство своей воле, это с необходимостью вырождается в идеологию и тиранию. С этой точки зрения мы можем рассматривать современную попытку биологических наук изменить человеческую природу как “постмодернистскую” версию платонизма, в которой риторика научного прогресса заменяет в целом менее политически убедительную доктрину восприятия платоновских идей. История как будто торжествует над вечностью, но мотивация та же самая: защитить человечество от природы» [Rosen 2005, p. 9]. Поэтому в свете изложенного вряд ли можно в полной мере согласиться с тем, что интеллектуалам присуща антифилистерская позиция [Фадеева 2012, с. 17], и, тем более, с тем, что они – носители особых “умственных добродетелей” [Куренной 2006, с. 34].

Показательно: натиск современной “негуманитарной эпохи” и в целом антиинтеллектуальной культуры современности выражается именно в повышении престижа интеллектуалов. Объяснение этому следует искать, в частности, в том, что новоевропейская наука и философия объявили спонтанную работу рассудка “морально индифферентной” в силу ее “естественности”. Полностью капитулировавший перед осознанием этого обстоятельства И. Кант в свое время заявил: “Проблема формирования (справедливого. – К.Ю., М.Б.) государства, какой бы сложной она ни выглядела, не является неразрешимой даже для народа дьяволов, лишь бы они были наделены рассудком” [Кант 1994, с. 33]. Кантовская мораль, на которую опирается и часть интеллигенции, представляет поэтому полную противоположность того, что в Античности называлось *virtus* – недискурсивной, внутренней добродетелью, душевной силой человека, наделенного достоинствами, а различие между интеллектуалами и обывателями в новоевропейском контексте не имеет фундаментального характера.

В силу этого фундаментом комплексного прояснения концепций генезиса интеллигенции и ее интеллектуальных целей должна быть последовательно реализуемая

стратегия по выработке идейно-мировоззренческого иммунитета к прогрессистской идеологии. Данная стратегия с учетом требований современности должна преимущественно содержать комплекс мер, связанных: 1) с преодолением виртуального релятивизма, представляющего собой еще более опасную форму партикулярного догматизма, объединения на основе частно-корпоративных связей, нередко имеющих иллюзорный и аморфный характер; 2) с усиленным контролем за деятельностью “интеллигентов среднего звена”, к которым, если условно допускать “общепризнанные” классификационные схемы, относятся учителя, врачи и иные бюджетники – они в наибольшей степени подвержены “духовной маргинализации”, поскольку идентифицируют себя с образовательной сферой и предоставлением услуг, в процессе исполнения которых чувствуют себя обязанными соответствовать не только требованиям министерства, но и предпочтениям родителей/клиентов. Тем самым, интеллектуальная активность интеллигенции приобретает строго ритуально-институциональный характер.

Одновременно подчеркнем, что кризис интеллигенции связан отнюдь не с внешними декорациями – ее активностью или, наоборот, пассивно-выжидательной позицией, и не с утратой способности выступать “совестью нации”, а с разрушением экзистенциально-онтологической цельности. Проблема тут в том, что интеллигенция и интеллектуальное пространство подверглось варварской профанизации, продиктованной материально-потребительскими запросами, приведшими к десакрализации познания, поставленного на службу историчистических манипуляций. Подтверждением верности подобных оценок может служить следующее суждение: «В современных условиях все большее значение приобретает аспект самоидентификации. К интеллигенции мы можем отнести не тех, кто соответствует некоему набору тех или иных критериев, а тех, кто считает себя по выражению Ю. Лотмана, “субъектом специфического интеллектуального дискурса”» [Григорьянц 2009, с. 369]. Из этого следует, что интеллигентом может быть любой, кто возомнит, что исповедует дискурс, – многообещающие перспективы, сводящие на нет все достижения центров по изучению интеллигенции, истории культуры, в течение длительного времени старательно определявших существо интеллигента как особый тип. “Перед нами своего рода актуальное тождество неразличимого, предустановленная гармония – *harmonia praestabilita* как высшая форма проявления синкретического эклектизма” (то есть релятивизма. – К.Ю., М.Б.) [Шопенгауэр 2011, с. 7].

Сбываются худшие прогнозы подлинных мыслителей. “В современном мире нет места больше ни для интеллекта, ни для каких-либо вещей внутренней природы, уже потому, что их нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни сосчитать. Всех занимают только чисто внешние действия во всевозможных формах, даже те из них, которые начисто лишены всякого смысла” [Генон 2008, с. 108]. Аналогичной точки зрения придерживается и Эвола: «Это культура, основанная на бледном и пустом интеллектуализме, стерильная культура, отделенная от жизни, способная только на критику, абстрактные спекуляции и самовлюбленное “творчество”: культура, доведшая материальную утонченность до крайности, в которой женщина и чувственность становятся господствующими мотивами почти до патологической и навязчивой степени» [Эвола 2009^b, с.184].

Симбиотическое сплетение неумеренных амбиций, энергии по манифестации выбранного дискурса со слепой верой, самовнушением и психологическим убеждением, что в этом и заключается “смысл творчества”, представляющего собой лишь жонглирование понятиями, лишенного какого-либо реального наполнения и являющего собой концептуализирование вокруг понравившихся фактов. О технологии подобного “креатива”, заключающегося в подмене объективной истины законами индивидуального мышления и только укрепившейся за прошедшие два столетия, иронизировал А. Шопенгауэр: получается, что “мыслимое *in abstracto* составляет... как таковое и непосредственно, одно и то же с объективной сущностью вещей, так что, стало быть, и логика – это вместе с тем истинная метафизика; поэтому нам нужно только мыслить или полагаться на руководство понятий, чтобы знать, какими это там абсолютными

свойствами наделен мир. При таком взгляде все, что творится в какой-нибудь черепной коробке, непременно должно быть истинным и реальным” [*Шопенгауэр* 2011, с. 24].

Разновидностью, или иным типом интеллигенции (а вернее – псевдоинтеллигенции) на постсоветском пространстве, избравшей для себя новую форму интеллектуалистской презентации, можно считать так называемую “виртуальную интеллигенцию” (современное наименование – блогеры), которая как раз и складывается на основе описанной выше спекулятивной методологии “самоидентификации”, стремления приобрести внешнюю экзистенцию вопреки внутренней сущности. Интерактивная ирреальность, пожалуй, становится одним из самых опасных феноменов современности. Она – удобная площадка для всевозможных информационных провокаций (троллинга), исходящих от “интеллектуалов”, фланирующих от одного дискурса к другому и легализующих тем самым любые, даже самые абсурдные доктринальные установки. Мы видим, что экзистенциально-онтологическое омертвление технократической, **энтропийной цивилизации**, “**цивилизации становления**” характеризуется крайней степенью релятивности отношений. Остается резюмировать, что на историческую арену приходит поколение “интеллектуалов”-агрессоров, главным преимуществом которых становится не идейная устойчивость и интеллектуальное постоянство, а напротив, непрерывное совершенствование навыков поведенческой перестройки, необходимых для адаптации к условиям существования, все более утрачивающего реальный характер и представляющего нечто вроде аморфной матрицы, субъектами которой выступают игроки, подчиняющиеся импульсам-сигналам, демонстрирующие бессмысленную реактивность ко всем вызовам “информационных торнадо” [*Зорин* 2014] и их стихийного наполнения националистическим, клерикальным или иным индивидуалистическо-субъективным, партикулярным содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амелин П.П. (1970) Интеллигенция и социализм. Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова.
- Беньямин В. (2008) Автор как производитель // *Интеллигенция и мир*. 2008. № 2. С. 107–133.
- Возилев В.В. (2013) Методологические аспекты содержания понятия “интеллигент/интеллектуал” // *Интеллигенция и мир*. № 1. С. 9–16.
- Волков В.С. (1976) Деятельность Коммунистической партии по формированию технической интеллигенции в период строительства социализма (1928–1937 гг.). Автореферат дисс... д.и.н. Л.: Ленингр. гос. пед. институт.
- Гаспаров М.Л. (2001) Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение.
- Генон Р. (2008) Кризис современного мира. М.: Эксмо.
- Григорьянц Е.И. (2009) Интеллигенция сегодня: к идентификации образа // *Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность: материалы XX международной научно-теоретической конференции*. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 58–70.
- Гуркина Н.К. (1998) Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX–начале XX в. Дисс... д.и.н. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т.
- Данилов А.А. (2013) К вопросу о дефиниции “интеллигенция” в античной и средневековой философии // *Интеллигенция и мир*. № 2. С. 125–129.
- Д.С. Лихачев – университетские встречи. 16 текстов (2006). СПб.: СПбГУП.
- Ерман Л.К. (1963) Состав интеллигенции в России в конце XIX–начале XX в. // *История СССР*. № 1. С. 161–177.
- Золотарев О.В. (2013) Новая интеллигенция? // *Интеллигенция и мир*. № 2. С. 60–70.
- Зорин К.А. (2014) Медиасистема как совокупность “информационных торнадо” // *Медиа-скоп*. № 4 (<http://www.mediascope.ru/node/1655>).
- Кант И. (1994) Собр. соч. В 8 т. Юбилейное издание. 1794–1994. Т. 7. М.: Чоро.
- Классы, слои и группы в СССР (1968) М.: Наука.
- Коллинз Р. (2002) Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Конев В.А. (1974) К вопросу о социальной природе интеллигенции // *Из истории советской интеллигенции (Материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири)*. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т. С. 3–17.

- Кривопалова Н.Ю. (2008) Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии // Интеллигенция и мир. № 2. С. 26–45.
- Куренной В.А. (2008) Интеллектуал, эксперт, профессионал // Мыслящая Россия. Интеллектуально-активная группа. М.: Наследие Евразии. С. 33–40.
- Куренной В.А. (2006) Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии. С. 5–26.
- Левада Ю. (1989) Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс.
- Лейкина-Свирская В.Р. (1971) Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Мысль.
- Лосев А.Ф. (1989) Об интеллигентности // *Лосев А.Ф.* Держание духа. М.: Политиздат. С. 314–322.
- Матвеев Г.А. (1996) Об основных вехах эволюции понятия “интеллигенция” в отечественной общественной мысли // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Межвузовский сб. науч. трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 20–35.
- Межуев В.Д. (2011) История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП.
- Милюков П.Н. (1991) Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст., 1909–1910. М.: Молодая гвардия. С. 294–381.
- Меметов В.С. (2008) О некоторых методологических подходах в изучении понятия “интеллигенция” в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. № 2. С. 7–25.
- Меметов В.С. (2012) Философия, интеллигенция, власть // Интеллигенция и мир. № 3. С. 149–155.
- Меметов В.С., Данилов А.А. (1996) Интеллигенция России: уроки и современность (Попытка историографического анализа проблемы) // Интеллигенция России: уроки и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 4–18.
- Меметов В.С., Олейник О.Ю. (1996) Интеллигенция, отечество, патриотизм // Интеллигенция в России: уроки и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 35–45.
- Меметов В.С., Попов А.В. (2005) О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. № 1–2. С. 4–20.
- Никитина Т.В. (1993) О понятии “гуманитарная интеллигенция”: социологический подход // Социс. № 2. С. 33–41.
- Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов международной научно-теоретической конференции (1998) Иваново: Ивановский гос. ун-т.
- Олешук Ю. (1998) Об исторической роли интеллигенции // Мировая экономика и международные отношения. № 7. С. 73–77.
- Орлов С.Б. (2001) Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социс. № 11. С. 51–58.
- Севастьянов А.Н. (1995) Национал-капитализм. М.: Александр Севастьянов.
- Смоляков Л.Я. (1986) Социалистическая интеллигенция. Социально-философский анализ. Киев: Политиздат Украины.
- Солженицын А.И. (1974) Образованщина // Из-под глыб. Сб. статей. Париж: YMCA-PRESS.
- Усманов С.М. (2004) Этапы и особенности формирования интеллигенции в процессе модернизации: российский опыт в сравнительно-исторической ретроспективе // Интеллигенция и мир. № 3–4. С. 4–15.
- Фадеева Л.А. (2012) Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. № 41. С. 108–138.
- Шарль К. (2005) Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX в. М.: Новое издательство.
- Шопенгауэр А. (2011) Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Республика.
- Эвола Ю. (2009^a) Лук и булава. СПб.: Владимир Даль.
- Эвола Ю. (2007) Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М.: ХРАНИТЕЛЬ.
- Эвола Ю. (2005) Оседлать тигра. СПб.: Владимир Даль.
- Эвола Ю. (2009^b) Традиция и Европа. Тамбов: Ex Nord Lux.
- Юдин К.А. (2014) Традиционализм барона Юлиуса Эвола: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. № 7. С. 113–128.
- Юдин К.А. (2013) Человечество в пути: от “цивилизации бытия” к “цивилизации становления” (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. № 2. С. 242–248.

Юдин К.А., Бандурин М.А. (2012) Что стало с философией или темные лабиринты познания? // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1–2. С. 3236.

Furlong P. (2011) *Social and Political Thought of Julius Evola*. London: Routledge.

Rosen S. (1969) *Nihilism: a Philosophical Essay*. London–New Haven: Yale Univ. Press.

Rosen S. (2005) *Plato's Republic: a Study*. London–New Haven: Yale Univ. Press.

The Difference Between the Concepts of “Intelligentsia” and “Intellectuals” (Historiography, Sociophilosophical and General Theoretical Aspects)

K. YUDIN*

M. BANDURIN**

* **Yudin Kirill** – candidate of sciences (History), senior researcher, Research Institute on Intelligentsia Studies at the Ivanovo State University. Address: 39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russian Federation. E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru.

** **Bandurin Michail** – candidate of sciences (History), visiting fellow, Research Institute on Intelligentsia Studies at the Ivanovo State University. Address: 39, Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russian Federation. E-mail: js.ivsu@bk.ru.

Abstract

The present article constitutes a historical, historiographical and socio-philosophical research, which is focused on the important and actual theoretical problem connected with origins and essential traits of the social group, which consists of the man of peculiar type called “intelligentsia” or “intellectuals” because of their intellectual, creative and other extraordinary abilities. Adhering to conservative stance the authors have attempted to clarify these common definitions, to reveal their notional constituents and on these grounds to make a substantial distinction avoiding multiple connotations connected with ideological tendentiousness of evaluations. For this purpose the article analyses the wide range of scientific and publicistic papers which recorded a dynamics of habitual and worldview references of the representatives of Russian and European “intellectual community”.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, historiography, relativism, historicism, individualism, “challenge of time”, discursivity, intellectual activity, spirituality, truth, cognition.

REFERENCES

Amelin P.P. (1970) *Intelligencija i socialism* [The intelligentsia and socialism] Leningrad: Leningr. gos. un-t im. A.A. Zhdanova.

Benjamin V. (2008) Avtor kak proizvoditel [The Author as Producer]. *Intelligenciya i mir*, no. 2, pp. 107–133.

Danilov A.A. (2013) K voprosu o definicii “intelligencija” v antichnoj i srednevekovoj filosofii [On the question of the definition of “intellectuals” in the ancient and medieval philosophy]. *Intelligenciya i mir*, no. 2, pp. 125–129.

D.S. Lihachev – *universitetskie vstrechi. 16 tekstov* [D.S. Likhachev – university meetings. 16 texts] (2006). St. Petersburg: SPbGUP.

Erman L.K. (1963) Sostav intelligencii v Rossii v konce XIX–nachale XX v. [The composition of the intelligentsia in Russia in the late XIX–early XX century]. *Istorija SSSR*, no. 1, pp. 161–177.

Evola J. (2007) *Ljudi i ruiny. Kritika fashizma: vzgljad sprava*. [People and ruins. Criticism of fascism: a view from the right] Moscow: HRANITEL'.

- Evola J. (2009^a) *Luk i bulava* [Bow and Bulava]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Evola J. (2005) *Osedlat tigra* [Saddling tiger]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Evola J. (2009^b) *Tradiciija i Evropa* [Tradition and Europe]. Tambov: Ex Nord Lux.
- Fadeeva L.A. (2012) Diskussii ob intelektualah v kontekste politicheskoj istorii Zapada [Discussions about intellectuals in the context of the political history of the West]. *Dialog so vremenem*, vyp. 41, pp. 108–138.
- Furlong P. (2011) *Social and Political Thought of Julius Evola*. London: Routledge.
- Gasparov M. L. (2001) *Zapisi i vypiski* [Records and statements]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Genon R. (2008) *Krizis sovremennogo mira* [The crisis of the modern world]. Moscow: Eksmo.
- Grigorjanc E.I. (2009) Intelligencija segodnja: k identifikacii obraza [The intelligentsia today: the identification of the image. The intelligentsia: genesis, formation, development and operation of: materials XX International scientific-theoretical conference]. *Intelligencija: genezis, formirovanie, stanovlenie, razvitie i dejatel'nost: materialy XX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii*. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, pp. 58–70.
- Gurkina N.K. (1998) *Intelligencija Evropejskogo Severa Rossii v konce XIX–nachale XX v. Diss... d.i.n.* [The intelligentsia of the European North of Russia in the late XIX–early XX centuries. Diss... d.h.s.]. St. Petersburg: St. Petersburgskij gos. un-t.
- Kant I. (1994) *Sobranie sochinenij v 8 t. Jubilejnoe izdanie. 1794–1994*. T. 7 [Collected Works in 8 volumes. Jubilee Edition]. Moscow: Choro.
- Klassy, sloi i gruppy v SSSR* (1968) [Classes, strata and groups in the Soviet Union]. Moscow: Nauka.
- Kollinz R. (2002) *Sociologija filosofij. Globalnaja teorija intellektualnogo izmenenija*. [Sociology of Philosophies. The global theory of intellectual change] Novosibirsk: Sibirskij hronograf.
- Konev V.A. (1974) K voprosu o socialnoj prirode intelligencii [On the question of the social nature of the intelligentsia]. *Iz istorii sovet'skoj intelligencii (Materialy II simpoziuma po istorii rabocheho klassa, krest'janstva i intelligencii Sibiri)* [From the history of the Soviet intelligentsia (Proceedings of the II Symposium on the history of the working class, peasantry and intelligentsia of Siberia)]. Novosibirsk: Novosibirskij gos. un-t., pp. 3–17.
- Krivopalova N.J. (2008) Teoreticheskie problemy istorii rossijskoj intelligencii v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Theoretical problems of the history of the Russian intelligentsia in modern historical]. *Intelligencija i mir*, no. 2, pp. 26–45.
- Kurennoj V.A. (2008) Intellektual, jekspert, professional [The intellectual, expert, professional]. *Mysl'jashhaja Rossija. Intellektualno-aktivnaja grupa*. Moscow: Nasledie Evrazii, pp. 33–40.
- Kurennoj V.A. (2006) Intellektualy [Intellectuals]. *Mysl'jashhaja Rossija. Kartografija sovremennyh intellektual'nyh napravlenij*. Moscow: Nasledie Evrazii, pp. 5–26.
- Lejkina-Svirskaja V.R. (1971) *Intelligencija v Rossii vo vtoroj polovine XIX v.* [Intelligency in Russia in the second half of XIX century]. Moscow: Mysl'.
- Levada Ju. (1989) *Intelligencija* [Intelligentsia]. *50/50: Opyt slovarja novogo myshlenija*. Moscow: Progress.
- Losev A.F. (1989) Ob intelligentnosti [About the intelligence]. Losev A.F. *Derzanie duha* [The adventure of the spirit]. Moscow: Politizdat, pp. 314–322.
- Matveev G.A. (1996) Ob osnovnyh vevah jevoljucii ponjatija "intelligencija" v otechestvennoj obshhestvennoj mysli [On the main milestones of the evolution of the concept "intelligentsia" in Russian social thought]. *Intelligencija Rossii: uroki istorii i sovremennost. Mezhvuzovskij sb. nauchnyh trudov* [The intelligentsia of Russia: lessons of history and modernity. Interuniversity collection of scientific papers]. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, pp. 20–35.
- Memetov V.S. (2012) Filosofija, intelligencija, vlast [Philosophy, intelligentsia, power]. *Intelligencija i mir*, no. 3, pp. 149–155.
- Memetov V.S. (2008) O nekotoryh metodologicheskikh podhodah v izuchenii ponjatija "intelligencija" v otechestvennoj istoriografii [Some methodological approaches in the study of the concept of "intelligentsia" in Russian historiography]. *Intelligencija i mir*, no. 2, pp. 7–25.
- Memetov V.S., Danilov A.A. (1996) Intelligencija Rossii: uroki i sovremennost (Popytka istoriograficheskogo analiza problemy) [Russian intelligentsia: Lessons and Modernity (Trying to historiographical analysis of the problem)]. *Intelligencija Rossii: uroki i sovremennost'. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [The intelligentsia of Russia: lessons of history and modernity. Interuniversity collection of scientific papers]. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, pp. 4–18.
- Memetov V.S., Olejnik O.J. (1996) Intelligencija, otechestvo, patriotizm [Intelligency, country, patriotism]. *Intelligencija v Rossii: uroki i sovremennost. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [The intelligentsia of Russia: lessons of history and modernity. Interuniversity collection of scientific papers]. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, pp. 35–45.

- Memetov V.S., Popov A.V. (2005) O nekotoryh problemah teorii i metodologii issledovaniya intelligencii, ee genezisa i formirovaniya [On some problems of the theory and methodology of the study of the intelligentsia, its genesis and formation]. *Intelligenciya i mir*, no. 2, pp. 4–20.
- Mezhuev V.D. (2011) *Istoriya, civilizaciya, kultura: opyt filosofskogo istolkovaniya* [History, civilization, culture: experience of philosophical interpretation]. St. Petersburg: SPbGUP.
- Miljukov P.N. (1991) Intelligenciya i istoricheskaja tradicija [Intelligentsia and historical tradition]. *Vehi. Intelligenciya v Rossii: sb. st., 1909–1910* [Milestones. Intellectuals in Russia: a collection of works, 1909–1910]. Moscow: Molodaya gvardiya, pp. 294–381.
- Nikitina T.V. (1993) O ponjatii “gumanitarnaja intelligenciya”: sociologichesky podhod [On the concept of “humanitarian intelligentsia”: the sociological approach]. *Socis*, no. 2, pp. 33–41.
- Nravstvennyj imperativ intelligencii: proshloe, nastojashhee, budushhee: Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii* (1998) [The moral imperative of the intelligentsia: Past, Present, Future: Abstracts of the international scientific-theoretical conference]. Ivanovo: Ivanovskiy gos. un-t.
- Oleshchuk Ju. (1998) Ob istoricheskoy roli intelligencii [About the historical role of intellectuals]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 7, pp. 73–77.
- Orlov S.B. (2001) Intelligenciya kak mifologichesky fenomen. Istoriko-sociologicheskij analiz [Intelligency as a mythological phenomenon. Historical and sociological analysis]. *Socis*, no.11, pp. 51–58.
- Rosen S. (1969) *Nihilism: a Philosophical Essay*. London–New Haven: Yale Univ. Press; Montreal: McGill Univ. Press.
- Rosen S. (2005) *Plato's Republic: a Study*. London–New Haven: Yale Univ. Press.
- Sevastjanov A.N. (1995) *Nacional-kapitalizm* [National-capitalism]. Moscow: Aleksandr Sevastjanov.
- Sharl K. (2005) *Intellektualy vo Francii: Vtoraya polovina XIX v.* [Intellectuals in France in the second half of the XIX century]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Smoljakov L.J. (1986) *Socialisticheskaja intelligenciya: Socialno-filosofskij analiz* [The socialist intelligentsia: Socially-philosophical analysis]. Kiev: Politizdat Ukrainy.
- Shopengaujer A. (2011) *Sobr. soch. V 6 t. T. 4.* [Collected Works in 6 volumes]. Moscow: Respublika.
- Solzhenitsyn A.I. (1974) *Obrazovanshchina* [Образованщина]. *Iz-pod glyb. Sb. statej* [From under boulders. Articles]. Parizh: YMCA-PRESS.
- Usmanov S.M. (2004) Etapy i osobennosti formirovaniya intelligencii v processe modernizacii: rossijskiy opyt v sravnitel'no-istoricheskoy retrospektive [Stages and characteristics of the formation of intellectuals in the process of modernization: the Russian experience in comparative-historical perspective]. *Intelligenciya i mir*, no. 3–4, pp. 4–15.
- Volkov V.S. (1976) *Dejatel'nost' Kommunisticheskoy partii po formirovaniyu tehnicheckoy intelligencii v period stroitel'stva socializma (1928–1937 gg.)*. *Avtoreferat diss... d.i.n.* [The activities of the Communist Party on the formation of the technical intelligentsia in the period of socialist construction (1928–1937 gg.). Abstract of diss... d.h.s.] Leningrad: Leningr. gos. ped. institut.
- Vozilov V.V. (2013) Metodologicheskie aspekty soderzhaniya ponjatija “intelligenty/intellektualy” [Methodological aspects of the concept of “intelligentsia/intellectuals”]. *Intelligenciya i mir*, no. 1, pp. 9–16.
- Yudin K.A. (2013) Chelovechestvo v puti: ot “civilizacii bytiya” k “civilizacii stanovlenija (razmyshlenija o prirode kommunisticheskoy vlasti i obshhestva) [Humanity is on the road: from the “civilization of life” to the “formation of civilization” (reflections on the nature of the Communist authorities and society)]. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 42–48.
- Yudin K.A. (2014) Tradicionalizm barona Juliusa Jevoly: ob idejnyh iskanijah konservativnogo revoljucionera [Traditionalism Baron Julius Evola: about ideological searchings of conservative revolutionary]. *Filosofskie nauki*, no. 7, pp. 113–128.
- Yudin K.A., Bandurin M.A. (2012) Chto stalo s filosofiej ili temnye labirinty poznaniya? [What happened to the philosophy or the dark labyrinths of knowledge?]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, no. 1, pp. 32–36.
- Zolotarev O.V. (2013) Novaja intelligenciya? [The new intelligentsia?]. *Intelligenciya i mir*, no. 2, pp. 60–70.
- Zorin K.A. (2014) Mediasistema kak sovokupnost “informacionnyh tornado” [Media System as a set of “information tornado”]. *Mediascope*, no. 4 (<http://www.mediascope.ru/node/1655>).